

Beyond

Death

Still

Отцензурено

Mine

Устав карательной эротики

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алекс Блэк

18+

Алекс Блэк

V.D.S.M. Устав

карательной эротики

<https://litres.ru/74282504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот текст не должен был увидеть свет. То, что вы держите в руках, — не плод воображения скучающего литератора, а архив из бездны. Это история распада человека, попытавшегося нащупать дно реальности через экстремальные девиации и психоделические трипы. Секс, насилие, духовные поиски и побег в Азию сливаются в деструктивный поток избыточной реальности, где «вчера», «сегодня» и «кажется, было» спутались в вязком мультиверсе. Говорят, история — это то, что произошло на самом деле. В этой книге "на самом деле" могло произойти всё. Вы не верите, но прочитав, почувствуете запах этой правды. Потому как правда этого мира — страдание, а секс — ультимативная форма правды. Автор проверил — чтобы вам не пришлось. Внимание! Книга содержит нецензурную брань, жесткие экспертизы, психологическое насилие и избыточные дозы реальности. Читать на свой страх и риск.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алекс Блэк

B.D.S.M. Устав

карательной эротики

Глава 1

Решил показать вам, каковы настоящий фемдóm и настоящий трип. Каковы они были много лет назад, пока ещё не стали сетевым мейнстримом. GirlBoss старой школы — это тебе не картонные лозунги из соцсетей, это реальная власть над чужим дофамином. Интернетов этих ваших тогда ещё не было (точнее, не у всех, и по диал-ап модему с почасовой оплатой), о чёрно-оранжевом ютубе никто даже фантазировать не смел. Алкоголь, табак, вещества, музыка и тачки — настоящие аналоговые. БДСМ, фемдóm, бабы и кинки — всё было креативно и взаправду. Реальностью.

Но начну я издалека, чтобы к моменту встречи с настоящей Штурманом Хаоса вы лучше понимали бэкграунд. Как общий, так и мой личный. Главное — не подумайте, что перед вами обычная порнуха или дешёвая бульварщина. Вся эта плотская биология и механика тел в начале лишь необходимая увертюра, прежде чем окунуться в настоящее пси-

хо-мясо, криминал, психоделические трипы, буддийский дефраг, экзистенциальные разрывы и пачку катарсисов, которые порвут вашу аккуратную реальность на мелкие лоскуты так, что сам Паланик будет рукоплескать. Иными словами: падение акт одноразовый, но, чтобы достаточно громко упасть, нужно как следует разогнаться и повыше взлететь. Говорят, история — это то, что произошло на самом деле. Но в моём липком мультиверсе «вчера-сегодня», «кажется, было» и «сон собаки» не смогу отличить даже я сам. Впрочем, тут я забегаю вперёд. Давайте начинать.

Я едва переступил черту, балансируя на грани взросления, жаждал плоти и отчаянно играл солопо ночам. И вот однажды я познакомился с девушкой. Аж на десять лет старше себя. Её звали Ада. Начиналось всё долго. Она обрабатывала меня неспешно, как удав, который знает, что кролик никуда не денется. Эта её манера прошла красной нитью через наши отношения. Минуло довольно много времени, прежде чем я «заслужил» право провожать её с работы до дома. Ходили мы через парк глухими тропинками и там отчаянно целовались. Надо сказать, она была мастерица в этом. Впрочем, как и во многом другом. Со временем я также получил право лапать её за попу и даже иногда лезть под юбку. Надо ли говорить, что у меня натурально «шляпа дымила» от всего этого, но получить больше я никак не мог. Она ловко ездила мне по ушам, мол, «я не такая...», «должна быть любовь...» и всё такое, «со мною сложно», «и вообще, ты слишком молод».

Всё же однажды она пригласила меня к себе. Я, естественно, нафантазировал в уме всякого, но в отсутствие опыта даже не представлял, что конкретно делать. Ох, каким же я был сладеньким жертвенным цыплёночком для этой искушённой лисицы.

В тот раз всё опять закончилось поцелуями, но теперь уже на кровати. Она была сверху в домашних лосинах и тонкой маечке. Я вообще был в джинсах. Она мощно прижималась ко мне и тёрлась об мой напряжённый под джинсами инструмент. В тот раз мне даже было позволено (но не с первой попытки) засунуть руку ей в лосины и даже дальше. И погладить спину под маечкой. Она кульминировала несколько раз и после этого быстренько выпроводила меня домой. Как-то она сумела так всё это обставить, что я не почувствовал себя обиженным. Более того. Подобные процедуры стали повторяться с завидной регулярностью. Дошло до того, что — вот мы сидим, пьём чай, слушаем музыку, болтаем, а потом она говорит: «Иди ложись». Просто и естественно. Я шёл и занимал позицию. Она приходила следом минут через 5—10, спокойно доделав свои дела. Только теперь она чаще всего не тёрлась об мои вздыбившиеся джинсы, а буквально билась об них, стискивая меня в очень жёстких объятьях. Мои «права» были немного расширены. Иногда она даже приподнималась на мне и позволяла полапать себя под маечкой. Потом, как правило, мы шли курить в туалете. Она сидела на крышке унитаза с симпатичным мохеровым чехлом, а я рас-

полагался рядышком на коврик. Часто я оставался у неё допоздна. Мы смотрели фильмы по видуку и болтали. Ничего связанного с сексом не допускалось в такие моменты. Максимум поцелуи.

Но не лишним будет заметить, что Ада также нехило поработала над моим социальным статусом и самоощущением “особенных” отношений с “особенной” женщиной. Например, однажды я ночевал у неё в воскресенье (такое время от времени случалось, родители думали, что я играю в приставку у друга), и утром в понедельник, собираясь на учёбу, я забыл книжку. Да к тому же ещё и с вложенной в неё шпаргалкой. Катастрофа? Нет! Это стало грандиозным успехом. Ада подрулила практически в упор к нашей бурсе, где я последний год отчаянно бился за бумажку с циферками, которую преподы пафосно называют «Билет во взрослую жизнь», и которая мне ни разу нафиг не понадобилась. Оставив распахнутой дверь в заведённой тачке, она направилась прямо к крыльцу. В этот момент все вывалили покурить. Да! В те благословенные времена учителя стыдливо дымили по-матроски в кулак за углом, а все учащиеся всех возрастов (включая девчонок) вываливали толпой на крыльцо и дымили так, что хоть топор вешай. Перемежая всё это смехом, визгами, матюками и воплями. И вот, на глазах у изумлённой публики, чоткая миниатюрная брюнетка с точёной фигуркой неспеша подошла, извлекла из сумочки учебник со словами

— Привет, дорогой, — потом, окинув всех взглядом, до-

бавила, — Здравствуйте.

Она подала книжку мне. Когда я её взял, потянула на себя, обняла второй рукой за шею и поцеловала так сочно, что стало мгновенно тихо.

— До вечера, — сказала Ада, отлипнув от меня, и ушла.

Всем пацанам я, конечно, наплёл, что тягаю её каждый день до потери сознания. Хотя на самом деле я её даже голой не видел.

Так прошло довольно много времени. Месяца четыре или больше. Я даже получил ключ от её квартиры и право приходить в любое время. Информация об этом произвела фурор в моей среде. Всё шло своим чередом, но однажды произошло переломное событие. В тот день Ада продала свой кухонный стол, а новый пока не привезли. Ещё пришла её подруга Ляля с несколькими бутылками вина. Ляля — охрененная тёлка. Правда, с малость странной фигурой. Крупная, и плечи шире бёдер. За этими плечами несколько мужиков, три залёта и три несостоявшихся материнства.

Девушки расположились на кухне у тумбы и сели на табуретки коленями друг к другу. Мне было предложено сесть им на коленки. Идея мне понравилась. Было забавно так сидеть. Когда мы с Адой, изрядно уже выпив, стали целоваться в обычной своей почти животной манере, Ляля стала хмыкать и жаловаться, что ей завидно.

— Поцелуй Ляльку, — распорядилась Ада.

— Что?

— Давай, давай. Ты слышал.

Я немного опешил, но не без удовольствия подчинился. Целовалась Лялька классно. Она втянула весь мой язык без остатка и проделала с ним такое, что я был весьма впечатлѐн. Потом она сделала большой глоток, и умудрилась, не уронив ни капли, вновь присосаться ко мне, пустив в мой рот струйку вина. Я обалдел. Девчонки стали смеяться. Наверное, вид у меня был соответствующий. Ада тоже захотела попробовать, и я получил ещё один винный поцелуй. После десятка таких заходов почувствовал, что неплохо наедался, и отошёл облегчить клапан. Когда через минуту я вернулся на кухню, Ляли уже не было.

— Она вспомнила, что у неё молоко закипает, — смеясь, сказала Ада.

Мы прошли в комнату. Ада стала переодеваться, сменив платье на халатик, который оставила не запахнутым. Она делала такое при мне, только если не снимала лифчик и уж тем более трусики. Потом расчесала волосы, стоя прямо передо мной, и вдруг уронила заколку. Та улетела под софу, на которой я сидел.

— Достань, — коротко бросила она.

Я опустился на четвереньки, заглянул под софу, достал заколку и, протягивая её Аде, попытался приподняться, но она толкнула меня в плечо. Потом она размахнулась и вле-

пила мне сочную пощёчину.

Бац!

Я даже удивиться не успел.

— Понравилось?!...С Лялькой лизаться! — в её голосе появились стальные нотки.

— Я....

— Гадина! — и она влепила мне вторую.

— Ты сама велела, — попытался оправдаться я.

— Заткнись!

Одной рукой она вцепилась мне в волосы, второй влепила ещё одну пощёчину полегче и обхватила пальцами лицо.

— Ты лизался с ней как пёс, — сказала Ада пристально глядя на меня, — Теперь я не знаю, стоит ли тратить на тебя время.

Она выпрямилась, а я так и остался сидеть на согнутых ногах, глядя в пол, совершенно сбитый с толку.

— Смотри на меня!

Я с трудом поднял глаза. Лицо горело. В голове гудело. Я чувствовал себя идиотом

— Проси прощения!

— Прости.

— Лучше проси!!

— Прости меня, пожалуйста, Ада.

— Повтори.

— Прости меня, пожалуйста, я виноват. Прости.

— Может ты и сможешь заслужить, — с явным скепсисом

в голосе произнесла она.

Дальше произошло совершенно тогда ошеломившее меня событие. Ада раздвинула халат, ухватила за резинку стрингов и сняла их, оказавшись открытой почти напротив моего лица. Между нами было всего полшага.

— Целуй, — она приблизилась вплотную, — Давай

Я нерешительно и медленно, словно в трансе, поцеловал.

— Молодец. Теперь ласкай!

— Как? – задал я глупый вопрос.

— А сам как думаешь? — засмеялась она.

Я подчинился её приказу не из страха, а скорее из любопытства. Она притянула мою голову к себе, и дыхание её сделалось громким и прерывистым.

— Смотри на меня! Я люблю видеть глаза.

Я едва смог это сделать. В её взгляде читался кайф, они были масляными и бездонными.

— Давай! Хочу видеть это, — её щёки покраснелись, — Сильнее... Смотри на меня!.. Не отводи взгляд, всё время смотри на меня.... Вот так, да. Теперь чуть быстрее.

Она стала двигаться интенсивнее и вскоре мощно, несколько раз сильно содрогнувшись достигла пика. При этом вцепившись мне в волосы так, что едва не сняла скальп. Тяжело дыша, Ада сделала шаг назад и нажимом ступни толкнула меня на ковёр. Глядя пристально сверху вниз, она сказала

— Ты сегодня крупно облажался. За это будешь долго рас-

плачиваться. А пока давай-ка ещё.

Тогда я не понял, что мне выписали бессрочный кредит вины.

Она села на край кровати и откинулась на спину. Я при-
нялся за дело. Такие отработки плотно вошли в нашу жизнь.
Мне было объяснено, что секса у нас пока не будет вовсе.
Только «в устной форме». Также Ада запретила мне в эти
моменты трогать себя сквозь джинсы, сославшись на то, что
так я буду меньше отвлекаться, ублажая её. А ублажать при-
ходилось часто. Дома, на работе (да-да), в гостях у подруги,
на тропинке в парке. Потом возвращаясь к себе, я не мог
уснуть, «побеждая бессонницу» по два-три раза за ночь. Гра-
дус кипения взлетел до небес и было дело я даже однажды
разрядил обойму «мыслей» прямо в процессе «устной отра-
ботки». Тогда Ада слегка высмеяла меня и отправила «до-
мой к мамочке, сменить штанишки».

Мне начало сносить башню. Вся эта вакханалия, в сочета-
нии с весьма активным образом жизни, который вела Ада —
пьянки-гулянки, дымные вечеринки, бешеные гонки по ноч-
ному городу в поисках, где бы еще чем «заправиться» — от
всего происходящего, всё время как будто кружилась голова.
«Мальчик-отличник из хорошей семьи», сын медработницы
и военного, словно попал в запретное кино. Почти уверен,
что подруга Ляля была в курсе подробностей нашей сексу-
альной жизни, потому как она очень хитро порой улыбалась
одними лишь уголками глаз, бывая у нас в гостях. Плевать!

Так прошло довольно много времени, но однажды она мне всё-таки дала, сделав каким-то образом это событие максимально будничным. Ничего примечательного тогда и вправду не произошло, кроме того, что я отчего-то переволновался. У меня стоял плохо, я не смог достигнуть финала и быстро ретировался домой. Но Ада и бровью не повела. Она вралась не моргая, что всё было великолепно.

— Не о чем переживать, милый. У тебя большой классный инструмент, а остальному я тебя подучу, — сказала она на следующий день, чем изрядно меня приободрила.

И наступила новая эра.

Эра скачек. На моём большом инструменте. В роли наездницы Ада была виртуоз. За всю последующую жизнь я встречал от силы пару девушек, которые смогли приблизиться к ней в этом деле, но не превзойти. Основным словом, характеризующим её в такие моменты, было слово «Контроль». Она абсолютно знала свои ощущения и очень быстро научилась управлять моими.

Двигалась она невероятно точно в плане амплитуды, ритма, скорости. Описывать подробности излишне. Я всегда разряжался мощно и с диким криком. Ощущения перекрывали меня полностью. Тем не менее, основным приоритетом в наших отношениях было удовольствие возлюбленной. Это пропагандировалось прямо. Ада учила меня контролировать

ощущения, но в первую очередь дыхание, чтобы не срываться столько, сколько потребуется. Если я в какой-то момент не выдерживал, она приходила мне на помощь. Например, в миссионерке она могла запросто залепить мне пощёчину или, вывернувшись в критический момент из-под меня, хватала двумя пальцами и сильно сжимала.

— Не смей! – говорила она, и лицо её всегда в такие моменты делалось жёстким.

Фактически она стала моей доминой, хотя мы никогда не говорили об этом. Считалось, что я должен уметь сам себя контролировать максимально долго и в качестве последней меры самостоятельно прерывать процесс. Со временем я и вправду этому научился, но сначала произошло одно событие, сделавшее доминирование Ады тотальным.

В тот день я особенно виртуозно отработал «вербальную» сессию, и она решила наградить меня первым «устным ответом». От такого предложения у меня «упало забрало», и я критически отвердел. Ада велела мне сесть на согнутые ноги на краю кровати и опереться на руки, слегка откинувшись назад. Опустившись на пол перед кроватью, она принялась за дело. Тогда я не понял, что она в этом не особенно хороша, и что это ловушка. Я был так заведён, что не видел очевидного. Меня накрыли ощущения, я совсем потерял контроль и мощно дал залп. Она не отстранилась и позволила мне насладиться до конца, а в следующую секунду прилетела мощная оплеуха слева и ещё одна справа. С рыком она повалила

меня назад, гневно выкрикнув мне в лицо

— Никогда больше не смей так делать! И вообще больше никогда не смей переступать черту, не спросив разрешения!

Потом она заставила меня спуститься на пол и просить у неё прощения. Протянув ко мне ножку, она сказала:

— Целуй... Вот так... Молодец. Ты прощён, но помни теперь всегда, что если хочешь разрядки, то надо спросить разрешения. Ты всё понял?

— Да, Ада. Ещё раз прости.

Теперь она получила окончательный контроль и развернулась в полную силу. Когда я не мог терпеть и просил разрешения сбросить разряд, она легко отказывала мне и предлагала сменить позу или сделать паузу и отработать её «вербально». Обычным делом стал секс продолжительностью полтора-два часа в одной только активной фазе. Со всеми прелюдиями и тайм-аутами на перекур это, как правило, попросту занимало весь вечер.

Курили мы обыкновенно в «кабинете». Ада без всякого стеснения садилась на трон спустив стринги, совмещая это с перекуром, а мне обычно велела делать ей массаж ножек, сидя на коврике перед ней.

Изредка она вообще не давала мне разрядку, но так происходило в основном если она злилась на меня. Сама же она достигала кульминации многократно и бурно. Каждый следующий заход давался ей всё сложнее, но всё же порой добивалась этого несчётное количество раз.

— Шантаж сексом неразумен, — говорила она, — его применяют только дуры. Зачем самой оставаться неудовлетворённой?

И ещё она однажды интересно высказалась по поводу одного общепринятого мнения.

— Вот говорят: мужчины всегда хотят, но не всегда могут — женщины всегда могут, но не всегда хотят. Трындёжь. Все одинаково хотят. Но! Во-первых, у них по-разному расставлены приоритеты на этот счёт. А во-вторых, всё как раз-таки с точностью до наоборот.

— Как это?

— А вот так. Мужики всегда (и все) могут получить свои шесть секунд кайфа (если встал). Но не обязательно всегда хотят (ну приоритет повышен да, но это ещё не всё). А вот бабы всегда хотят кончить, ложась с кем-то, но далеко не всегда (да и не все) могут. А секса они хотят определённо так же, как и мужики. Просто общество долгое время приучало их это скрывать.

Такие перекуры, совмещённые с её делами и массажем, иногда заканчивались сексом прямо там же, но ещё иногда там случался столь редкий для наших отношений блоу. Она делала это не спеша и параллельно со «своими делами», улыбаясь лишь одними глазами. Со временем меня это стало странно заводить. Всё это на самом деле вообще, как стало понятно в будущем, было одной большой подготовкой. В своих фантазиях она не имела ограничений, но действовала

не спеша, смакуя каждый момент. Порой от первых ласточек до рвавших мне шаблон сексуальных техник проходили месяцы, а то и годы.

Например, в миссионерке она великолепно подмахивала и всегда крепко сжимала мою попу, но всегда так, чтобы средний палец ложился особым образом. Со временем палец стал более настойчивым и даже бесцеремонным, но более ничего особенного в этом плане долгое время не происходило.

Ещё она иногда просила надеть её ночнушку или колготки во время секса или носить её трусы целый день. Сама иногда тоже надевала моё бельё. В общем, я был просто окутан ро-ем подобных странных явлений, которые стали обыденным фоном. Я погряз в чертовщине. Не знаю точно, сколько это продолжалось. Довольно долго. К тому времени я уже жил с Адой и стал её ручным мальчиком.

Потом внезапно события приняли совсем неожиданный характер. Однажды я изрядно напился с друзьями. Редкий случай, чтобы я куда-то выбрался без Ады, тем более без её разрешения. Вообще нонсенс. Когда я очень пьяный явился домой, было уже поздно. Она не сказала ни одного грубого слова, просто отправила меня спать. Я отрубился, едва коснувшись подушки. Не знаю, как долго я спал, но меня разбудил яркий свет лампы. Мне было плохо от выпитого, я не мог разлепить глаза, но и спать я уже тоже не мог.

Бац!

Хлесткая пощёчина отправила меня на некоторое время

в астрал. Словно дубиной огрели.

Бац!

Следующая, к сожалению, вернула обратно.

— Это что?! — прогрохотал голос. Даже не сразу стало понятно, что это Ада.

— Что?

— Глаза открой!

Я едва смог разлепить веки. Надо мной стояла Ада с перекосенным лицом и упаковкой презерватива в руке. А ведь мы ими не пользовались.

— Я нашла это у тебя в кармане джинсов! С кем и где ты таскался?

Бац! Прилетела ещё одна подача и в голове противно зазвенело.

— С кем шляется, спрашиваю?

— Ада, это не моё.

— Тогда откуда оно?!

— Может, в баре на сдачу дали. Может, парни приколотись.

— Гонишь!

— Ада, я ни с кем не был. Я люблю только тебя. Ты для меня особенная.

— Встань на колени и поклянись!

Кое-как я слез с кровати и встал на колени. Тогда я даже не осознал, что Ада стоит надо мной вся напояженная, при полном параде и с намотанным на руку ремнём. Моим кожа-

ным ремнём.

— Не смей мне врать!

— Ада, я люблю только тебя. Клянусь!

Клац! Ремень лёг на бедро и больно шлёпнул по ягодице.

— Я тебе не верю.

— Ада....

— Заткнись!

— Но...

Клац! Снова ремень.

— Тебе придётся доказать.

— Как?

— Клади подушку посередине кровати и ложись лицом вниз. И лучше будет, если тебе не в чем признаваться.

— Ты с ума сошла?!

Клац!

Я понял, что спорить бесполезно, и быстро занял нужное положение. С неё станется, что прямо сейчас в одних трусах выгонит, а на улице минус двадцать вообще-то.

— Отключь пятую точку получше.

Первые прилёты ремня были несильные и я уже подумал, что, может быть обойдётся, но она лишь разогревалась и входила в азарт. Она порола меня без всяких шуток и со знанием дела. Я едва успевал переводить дух. Прилёты становились всё сильнее, и я начал непроизвольно вскрикивать. Боль шла глубоко внутрь.

— Чего мычишь, кобель?! — спросила она, — С кем пе-

репихнулся?

— Ни с кем, Ада, я люблю только тебя. Клянусь.

— Сейчас посмотрим.

Она погладила напоротое место, и цокнув языком, приступила к следующему заходу, подключив ещё и ляжки. Боль была нестерпимой, но ещё нестерпимей был страх, что я не выдержу. Что потеряю Аду. Крики вылетали из груди почти несдерживаемыми. Я срывался в плач, выкрикивал слова любви и клялся, что она единственная. Кажется, я отключился или просто перестал соображать и отпустил всё. Она стащила меня на пол.

— Скажи так, чтобы я поверила!

Я собрал все силы, что у меня остались.

— Ада, душа моя, я очень тебя люблю. Ты единственная,
— кажется, ей понравилось услышанное.

— И твой конец, только мой?

— Да.

— Скажи это.

— Да, он только твой, любимая.

— Целуй мне ноги, — мягко приказала она.

Я с трудом повернул голову и стал целовать её прелестные ножки. И в этот момент осознал, что у меня твердач. Ада оседлала меня, и мы быстро взлетели на самый пик, с такой силой, что я почти потерял сознание. Словно вышел из тела и вознёсся. Собственный крик почти разорвал мою грудь. Впервые я сорвал этот финиш внутри и впервые за

почти несколько лет сделал это, не спрашивая разрешения. Все чувства и ощущения, охватившие меня, их сила и глубина, были невыразимыми в словах. На мгновение я перестал думать и забыл себя. Такое чувство блаженства и свободы, недоступное и непознанное ранее. Теперь я хотел испытать это снова.

Чуть позже, когда мы обнажённые сидели и курили в санузле уже третью сигарету подряд, Ада наконец нарушила молчание.

— Милый....

— Что?

— Ты сказал, что я особенная.

— Так и есть.

— Тогда я хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что особенное.

— Конечно, — поспешил согласиться я.

Она раздвинула ноги и начала, но тут же прервалась. Стало ясно, чего она хочет. Приподнявшись, я встал на четвереньки и подался к ней. Ада откинулась назад и, подняв ноги, потянула колени максимально широко. Она не спешила, дав почувствовать, что мне предстоит, и освоиться с нарастающим потоком жгучего ощущения, похожим скорее на чувства стыда. Описывать подробности излишне. В ту ночь Ада окончательно вскрыла меня горьким солодом и своей волей, сделав первый настоящий надлом в моей психике. Это длилось недолго. Она прервалась из-за сильных ощущений.

— Уххх, — захихикала Ада.

Мы повторили этот круг несколько раз и надолго замерли.

— Посмотри на меня, — ласково сказала она.

Когда я подчинился и, не меняя позы, встретился с ней глазами, она сказала мягко и уверенно.

— Ты мой.

Чувство любви большей, чем когда-либо, силы накрыло меня, и мощная эрекция случилась за секунду. Ада сделала ещё один пуск.

— Разрядись немедленно, — приказала она.

Мне понадобилось лишь несколько движений руки, чтобы испытать яркую, трескучую, словно электрическая дуга, кульминацию. Как только она прошла разрядом сквозь всё тело, чувство постыдного усилилось до предела и словно грязная простыня заслонило собою всё. Ада отодвинула меня.

— Ты мой, — повторила она и закурила новую сигарету.

Наша связь стала другой после этого. Я чувствовал себя словно духовный адепт, перешедший на новый уровень и получивший способность осознавать ощущения совершенно иначе. Не только свои, но и партнёрши. Каждую секунду неистового процесса (теперь они были только такими) я знал и понимал, что именно нужно делать. Как двигаться, с какой скоростью, под каким углом, нужно ли вращать бёдрами и

куда в конечном итоге должно прийти наибольшее давление моего потенциала внутри партнёрши в данный конкретный момент. Она тоже это чувствовала и двигалась соответственно. То, что раньше казалось простым ловким подманиванием, на самом деле было сродни искусству. Благодаря этому ощущения взлетали на такие высоты, что пространство начинало плавиться. Контроль дыхания наконец-то дал свои плоды. Я мог не только держаться на верхней планке ощущений неограниченное время, но и отодвигать её всё выше и выше, чтобы потом с неистовым рёвом сорваться с обрыва в пропасть всепоглощающей кульминации, когда она властно кричала:

— Кончай!

У всего этого великолепия было неременное условие и вполне определённая цена. Как объяснила Ада, я должен был сам переступить грань отказа от всяческих ограничений и стать готовым на осуществление любых сексуальных практик. А ценой было полное подчинение и некоторые обязательные, почти ритуальные действия в начале каждого раза. Такими действиями стали оральная прелюдия и порка. Первое было обязательно, второе подключалось не всегда, но достаточно часто. Я не слишком кайфовал от боли, но Ада объяснила мне, что испытанное мною ранее *«перестал соображать и отпустил всё»* напрямую связано с моими новыми способностями и высоким уровнем кайфа от ощущений, поэтому следует научиться свободно попадать в это состояние.

Что касается разнообразных практик, то они посыпались как из рога изобилия. Различные хитрые позы, необычные ласки, игры с переодеванием и связыванием, массаж и ласки её ножек. Ярко запомнился один случай.

В тот вечер я играл в компьютер.

Ада сама купила мне его, чтобы я меньше пропадал у родителей. Она всегда спокойно относилась к тому, что я мог играть до 4-х утра (порою вместе с другом). Это не означало, что я смогу просто лечь спать, а она не получит свой оргазм.

Ада явилась поздно и немного подшофе. Быстро приняв душ, она легла в постель, но уснуть не смогла.

— Иди сюда, - позвала она.

Я нырнул к ней. Мы немного поласкались, она получила сочный тонг-ворк и, игриво хихикая, перевернулась на живот, подложив под себя подушку. Руками она слегка раздвинула ляжки.

— Теперь давай так, — сказала она.

— Неудобно же. Подними попу повыше.

— Нет, — её ответ прозвучал как-то слишком резко.

— ОК, тогда раскинь ноги шире, пожалуйста.

Делать дело в таком положении было нелегко. В какой-то момент моё лицо прильнуло к ней сзади весьма плотно. Нос упёрся точно в центр мишени. Ада немного подалась на меня, отпустила свои ляжки и, положив руки мне на затылок, сильно вдавила мою голову. Она едва заметно покачивала бёдрами, подыгрывая в такт моим движениям. В таком рит-

ме прошло несколько минут. Чувствуя, как она кайфует, я обхватил её руками и потянул на себя, вжимаясь ещё сильнее. Ада застонала и сладко финишнула. Я приподнялся и стянул с себя бельё, но тут произошло неожиданное.

— Теперь здесь, — сказала она, — Давай прям «в яблочко».

Острый спазм проскользнул вниз живота.

— Сначала бегло и нежно, — приказала Ада

Я послушно и старательно исполнял. Она командовала, требуя делать это и так, и эдак. Эмоции захлестнули, и я практически потерял контроль над собой, но с удивлением обнаружил у себя крепкую готовность, смешанную с чувством стыда.

Не знаю, сколько времени это продолжалось. Эрекция и стыд взаимно усиливали друг друга. Сердце бешено колотилось в груди, ум жужжал и метался, словно муха, когда она потребовала.

— По самой внутренней кромке, милый... даааа... даа, сладкий, это то, что мне нужно — настоящая джедайская ловкость твоего язычка.

Затем влажной ладонью немного поработала над собой

— Подготовь себя, — сказала Ада, вытянувшись, — Потом действуй. Если облажаешься, то будешь очень сильно наказан. Заставлю тебя страдать. Ты здесь первый. Так что будь осторожен, милый.

«Следи за собой. Будь осторожен». Вспомнилась некста-

ти строчка из Цоя.

Ада миниатюрная, весом всего сорок пять килограмм. А я... Не хочу хвастаться, но при всей моей худобе природа меня некоторыми объёмами не обделила.

Я сосредоточился, как только мог, и принялся за дело максимально старательно. Самое главное в таком деле аккуратность и терпение. Я долго пристраивался и так, и сяк. В свете монитора было мало что видно, и вот, наконец вскрыл гейт. Её контур сжимал максимально, так что я нарочно не спешил продолжать, и любимая, протяжно и громко дыша, стала сама подаваться, контролируя процесс. Будоражило её сильно, и было видно, что завелась она не на шутку. Я тоже кайфовал. Ада осмелела и даже стала понемногу вращать тазом.

— Нужно ещё влаги, милый.

Я исполнил её пожелание и продолжил. Когда кожа коснулась моей, она сладко застонала.

— Хааарооош

— Да, любимая.

— Ты молодец.

Реверс понравился ей ещё больше.

— Ууууууу..хх! — застонала Ада, — Хочу ещё!

Начался второй заход. Потом были ещё и ещё. С каждым разом она двигалась всё быстрее и быстрее, пока скорость не стала совсем стремительной. В какой-то момент Ада протянула руку вниз, начав активно ласкать себя.

— Разрядись! Сейчас же! — скомандовала она, и мы фи-

нишировали вместе так громко, что в соседней квартире даже выключили телевизор.

Так мы открыли еще одну дверь. За ней было темно и пахло, но нам понравилось.

Но особенное значение имела другая история, когда Ада пошла ещё дальше, разрушив последние табу... Однажды, во время процесса в обычной миссионерке, тот самый её палец стал особенно нахальным. Не скрою, что она доставила мне массу приятных ощущений, но тут излишне ударяться в детали, да и не суть.

В конце концов, Ада слегка отстранив меня и продолжая немного вилять бёдрами, сказала:

— Добавим жару, — было непонятно, утверждение это или вопрос.

Забегая вперёд, скажу, что никакого strapon'a или иных искусственных игрушек у нас не было. Гендерные роли всегда оставались чёткими. Ада была олдскульной закалки, да и в те времена мало кто знал подобных слов.

— Давай-ка перевернёмся милый, — скомандовала Ада, — Так. А ну-ка ляг... копчик повыше.

Она малость поигралась со мной, а потом неожиданно легла на живот и проделала такое, что и вовсе описывать не возьмусь. От неожиданности я даже икнул. Блоу-хард-ворк-безлимит. Ощущения потрясные. Её губы и язык творили всякое. Я был изрядно взбудоражен и польщён.

— Давай-ка пристроим тебя повыше, — заговорщицки

прошептала Ада.

Ну а дальше вообще... Началось такое, чего я и представить тогда не мог. В какой-то момент она сложила меня как индийского йога. Ступни упёрлись в спинку кровати за головой. Со всем нахальством и беспардонством она стремилась взломать меня выжимая максимум ощущений. Но я никак не мог отдаться ситуации

— Ты расслабляешься, а я отрываюсь, — игриво подмигнула Ада, — Доверься мне.

— Конечно, любимая.

Встав позади и глядя на меня сверху, Ада принялась за дело с удвоенной силой. Чувство напряжения дарило по-настоящему горячий кайф, но временами делалось почти невыносимым. Она угадывала это и ненадолго сбавляла обороты. И всё же я «дрогнул»

— Ада, кажется, я не справлюсь. Пощади, — таков был наш условный сигнал.

— Я уже на максимуме, милый. Сейчас станет интересней.

А дальше... даже не знаю, как рассказать... Она направила всё внимание и воздействие в одну точку внутри. Новая неожиданная волна ощущений накрыла меня. Я заскулил. Хотелось кричать и стонать. Хотелось немедленно отстреляться и одновременно, чтобы это никогда не кончалось. Аде этого показалось мало, и она ухватила за джойстик удовольствия второй рукой. От такого я совсем сошёл с ума

и через несколько минут мог лишь умолять.

— Ада, любимая, позволь мне...

— Нет, не смей.

— Умоляю, пожалуйста, Ада!

— Открой рот!

Я автоматически подчинился. Она нависала надо мной и, обрабатывая меня двумя руками, ухмыльнулась. Я понял, что сейчас будет... Жгучее чувство унижения пронзило меня всего, но отказать любимой домине я не посмел. В голове волчком закрутились всякие мысли. Её руки сделали несколько ловких движений. Кульминация стала казаться неотвратимой. Я зажмурился в ожидании неизбежного.

— Открой глаза! — скомандовала она и добавила, —
Смотри на меня!

Мощный разряд взорвал меня изнутри. На секунду или две я всё же закрыл глаза, но она заставила меня вновь их открыть и увидеть каждый залп. Время словно замерло. Пространство сжалось. Я видел лицо Ады где-то высоко над собой. Она улыбалась. Она была счастлива. Я понял, что смог сделать свою домину по-настоящему счастливой, и тоже улыбнулся. Ещё не понимая тогда, что фюзеляж моей психики получил новую серьёзную пробоину. А я получил второй «надлом»

Ада помогла мне распрямиться. Потом наклонилась и поцеловала меня.

— **Я люблю тебя, милый,** — сказала она впервые за всё

время, как бы смазывая рану.

Глава 2

И жили они счастливо, и умерли в один день.

Нет! Даже близко не было. Трудно объяснить, каким образом с того момента всё скатилось в говно. Но скандалы и пьяные разборки с вызовом ментов стали обыденностью. Я даже выхватил уголовку. Описывать весь этот бред на двадцати страницах весьма затруднительно, да и не имеет смысла, поэтому я его просто пропущу.

От Ады меня увела юная фурия, вчерашняя выпускница и просто шикарная блондинка. Тина... После фингалов, заявлений в полицию и того ада, в который превратилась наша БДСМ-идиллия, Тина казалась мне спасательным кругом. Пусть этот круг пах жвачкой и тетрадками. Когда на тебе висит уголовка за то, что твоя госпожа решила поиграть в настоящие доносы, свежая юная бестия — это не искушение.

Это — политическое убежище.

Тина сама со мной познакомилась и буквально велела мне устроить ей свидание. Очень властный характер. Сами понимаете, что, когда тебе чуть больше двадцати и высокая, длинноногая, сочная молодуха клеит тебя напропалую, очень трудно отказаться. Я и не отказался. Отвёл её в один из тех милых неприметных ресторанчиков без вывески, где никто не спрашивает о возрасте спутницы, когда ты заказываешь с ходу «двести водочки», а потом только приступаешь

к изучению нехитрого меню. Собсна там мы и отметили ближе к часу ночи её шаг через грань возрастного ценза. Той же ночью я отслюнявил ей впечатляющий перфоманс в кустах возле её дома и получил, если так можно выразиться, карт-бланш.

Но особое влияние оказало, наверное, то, что померла моя прабабка и оставила после себя квартиру. Это решало вопрос: «Куда уходить от Ады, чтобы не жить с родителями?» (с которыми я, к слову, разругался вдрызг). Нужно было только выкинуть мебель и переклеить обои. Собственно, там, на свежераскатанных рулонах, я и подвергся напористому секшуал-харрасменту со стороны своей новой пассии.

Габариты моего прибора сначала немного смутил её, но она мгновенно освоилась и, кстати, пронесла любовь к большим величинам через всю жизнь (если верить слухам). Отдавалась девка самозабвенно и с огоньком. Её длинные ноги, упругие формы и страстные стоны.... Это в сочетании с её юной свежестью отчасти перекрывало отсутствие опыта и умения тонко чувствовать партнёра.

Правда, достигала финала она с большим трудом. Очевидно, не сумела ещё полностью раскрыть свою сексуальность. Приходилось попотеть. Ещё она очень любила командовать в постели и в жизни: «левее, глубже, быстрее». Я не возражал.

Флэт быстро превратился в «нехорошую квартирку», где вечеринки происходили чаще, чем того желали бы соседи, и где я перепихнулся почти с каждой её подругой, чудом ни

разу не спалившись. Впрочем, все они были пресные и неинтересные в сравнении с Тиной. Запомнился только один случай.

В условиях однокомнатной квартиры, где бухает много народу и орёт музыка, единственная возможность поговорить по городскому телефону — это уединиться в ванной, что я и сделал, благо шнур был длинный. Туда же ворвалась изрядно пьяная Натка. Симпатичная миниатюрная брюнетка. Кстати, очень похожая на Аду. Я, когда впервые увидел её, так вздрогнул. Что-то аж щёлкнуло в голове.

— Ща лопну, — прокомментировала она своё появление. И тут же, спустив бельё, плюхнулась на трон.

Я, не прекращая разговор, лишь улыбнулся и подмигнул ей, но не отвернулся. Секунды две-три мы смотрели друг на друга. Прикрыв трубку рукой, я, ухмыляясь, спросил:

— Покажешь мне, как это делают девчонки?

— Ой, да ладно...

— Давай, мне очень интересно.

Натка пьяненько захихикала и немного развела колени. Всё было аккуратно и гладенько, как у... ну вы понели.

— А подними майку, — попросил я

— Я же без лифчика, — кокетничала Ната.

— Вижу, потому и прошу. И ноги ещё шире расставь.

Она всё исполнила. Я мгновенно завёлся. Не прерывая своего собеседника, лишь зажав пальцем микрофон, я шагнул к Нате.

— Расстегни.

— Ну....

Уговаривать её я не стал. Лишь прижал трубку к уху плечом и, задав какой-то наиболее уместный вопрос собеседнику, расставил ноги широко, тем самым ещё разведя её колени. Потом расстегнул. Натке, очевидно, всё понравилось, но она смущенно опустила взгляд. Я взял её за подбородок, приподняв, провёл большим пальцем по губам бегло и нежно.

— Знаешь, что, — сказал я трубке, глядя Натке в глаза, — Давай позже поговорим. Мне пора.

И бросил трубку на стиралку, даже не заботясь о том, положили ли её на том конце провода. Глаза Наты слегка округлились. Похоже, она до конца не верила в то, что сейчас произойдёт.

Тем не менее сделала Ната всё качественно. Ада так не умела, а Тина и вовсе меня подобным не баловала. Я разошёлся не на шутку запустил руку ей в волосы, погладил и чуть, запрокинул голову. Её покорность распаляла меня. Пару раз бедняжке пришлось туго. В этот момент распахнулась дверь и послышался грохот музыки.

— Занято! — крикнул я, не отрывая глаз от Наты. И дверь снова закрылась.

Даже не представляю, кто это был. “Лишь бы Тине не положили”, — промелькнула мысль. Я пошарил справа и, едва дотянувшись, защёлкнул шпингалет. Потом взялся обеими

руками покрепче и в десяток секунд мощным разрядом финишнул, издав протяжный рык, словно горилла.

Нешуточным усилием она оттолкнула меня и, развернувшись, упала на колени. Ей стало малец не слишком хорошо от выпитого. Перепел напал. Такое бывает при «напряжённой беседе», хаха. Я присел на стиралку, закурил. Вид девки на коленях со спущенными трусами и задранной майкой мне, определенно, нравился. Очухавшись через несколько минут и умывшись, она бравурно взмахнула головой, забрасывая волосы назад, и сказала

— Кажется, надо ещё выпить.

— А то.

Тот случай, к счастью, не имел для меня никаких последствий. Ох уж эти восемнадцатилетки — всё им нипочём. Отряхнула пёрышки — и снова в бой.

С Тиной всё складывалось хорошо. Я объяснил ей, что с её властным характером она должна делать в сексе всё, что возвышает её над партнёром, и вообще всё, что хочется. Без особых усилий я помог ей раскрыться и понять, как можно по-настоящему сойти с ума в постели. Оказалось, что эта стерва предпочитает плюхнуться на фейс, порку и особенно фут-приколы.

Она даже рассказала мне историю, как один парень из френдзоны “воспользовался” ею, бедняжкой: пока она вдрызг пьяная лежала мордой вниз, “ловя вертолёты”, негодник, присев позади кровати, начал губами ласкать её сви-

сающие ступни. Этот чёрт был настолько хорош, что через час “бедняжка” словила пик, подсунув под себя руку и один раз чиркнув пальцем «курок». “Просто как оргазм-хэдшот в упор”, — пояснила Тина.

Пороть она любила тонким кожаным пояском от платья. Мне крепко доставалось. Прилёты жалили по всему телу, нередко случались болезненные захлёсты, доводящие меня до слёз. Но Тине это доставляло настоящее удовольствие. Долгое время особым шиком считалось охаживать меня, переодетого в её кружевное бельё, заставляя при этом целовать ножки и осыпая нецензурной бранью.

— Сссука! — прищёптывала она, вкладывая удары.

Устав, Тина располагалась на стуле и, выставив ногу вперед, командовала без единой нотки фальши.

— Ну-ка постарайся как следует. Возьми её поглубже целиком.

Она всегда вгоняла пальцы ног как следует и по-настоящему любила это. Ещё ей нравилось большими пальцами обеих ног растягивать мне щёки. В такие моменты она обычно яростно работала руками, презрительно глядя на меня, а потом командовала перевернуться и приземлялась сверху на фейс.

— Нравится? — спрашивала она, глядя пристально и с любопытством. А потом громко смеялась, — Давай, отрабатывай. Может, тебе и перепадёт сегодня.

Как правило, перепадало, уж очень я был старателен. Тем

не менее не всегда я получал право на разрядку. Она без всяких подсказок взяла этот вопрос под контроль. И не щадила меня совершенно. Иногда не позволяя финишировать неделю. А кувыркались мы буквально каждый день. Видя, что я уже на грани, Тине нравилось поставить меня на колени и заставить работать самостоятельно, пошлёпывая и насмехаясь.

— Стреляй на пол, — говорила она, — И не забудь потом прибраться.

Да уж. Беспардонность молодости во всей красе.

Хорошее было время. Но, к сожалению, Тина от меня ушла. Предварительно многократно изменив мне прямо в нашей постели, пока я был на работе. Тогда я открыл маленькую торговую точку и окунулся в водоворот случайных баб и пьянства. Долгое время ничего примечательного не происходило. От скуки я даже устроился барменом в ночной клуб. По большей части, чтобы бесплатно бухать и потрахивать официанток.

Первой жертвой стала Лера. Чуть полноватая, но её молочно-белые ляжки ощущались на удивление приятными. Лера весьма смешно стеснялась оральных ласк, хотя они, очевидно, ей очень нравились. Сделала ответку, только заручившись полным заверением, что я не буду считать её шлюхой и поцелую после (вот же ж!). Для её мужа рецидивиста эта тема вообще была — табу. Ещё она не позволила прика-

саться губами к соскам. Впрочем, покувыркались мы весьма бодро. Лера умела хорошо подмахивать, не боялась смотреть в глаза, кульминировала сладко и со вкусом.

Следующей была её коллега. Лейла по достоинству оценила мой устный профессионализм. Мы прерывались для этого несколько раз по её просьбе. Уж очень ей зашло. А я люблю, когда девчонки этого просят. Потом она неистово отработала в ответ. Я закрыл сесшн мощно и с кайфом так как она не только смотрела на меня, но и задорно-провокативно шурилась в этот момент.

В общем, начался чад кутежа и дичайший угар, переходящий все разумные границы.

Как-то раз на очередной домашней пьянке одна малознакомая девица (с кем она пришла? Не, не вспомнить) подарила мне винный поцелуй, чем неслабо всколыхнула ностальгию в моём сердце. В тот же вечер эта бестия с копной длинных рыжих волос поставила меня на колени в полутёмной кухне и лихо откунибасила. После этого мы закурили. Немного помолчали.

— Ли́ка, — представилась она, — так меня зовут, если ты забыл.

— Спасибо, что напомнила, — засмеялся я, — очень любезно с твоей стороны.

— Твоя квартира?

— Да. По наследству досталась.

— Завтра вечером к тебе приду. Побрейся. И разгони этот

шалман, ок? А сейчас вызови, пожалуйста, такси.

— Как скажешь.

Лика была приезжей актрисой местного театра драмы. А разводить мужиков на безответный орал-ворк, как я позже узнал, был её любимый способ развлечения.

На следующий день мы знатно порезвились и с тех пор стали тусоваться вместе. Через неделю она заявила ко мне с большой сумкой.

— Надоело жить с родителями, — сказала она, распаковывая шмотки

— ОК, проходи, ложись, здравствуй, — усмехнулся я

Особых запросов по части интима у неё на первый взгляд не было. Однако, очень быстро выяснилось, что Лика натурально шевбутная коза. Она требовала близости (тьфу бля, ну и слово) дважды в день. Утром и вечером как по часам и была ещё охоча на promiscuitas. Переспать с моим близким другом для неё оказалось, как чихнуть. Она сделала это, когда он играл у нас в комп, пока я ходил за сигаретами в ларёк. Чувак сознался мне по СМС, как только всё закончилось. Стало понятно, что поймать «куртизанку» на измене мне предстоит ещё не раз. Пытаясь избежать головной боли, я предложил ей спать с нами обоими. Терять было уже нечего, а перспектива амур-де-труа обещала приключение, которое я не мог пропустить.

В ответ Лика долго деланно ломалась, словоблудила чушью на тему «да у нас с ним ничё не было...», «я не шлю-

ха...», «ты бросишь тогда меня сразу...». И прочий ненужный бред. Получив все заверения, что, дескать, никто ничего не узнает, она точно останется моей девушкой и всё будет ОК, Лика согласилась. Друг был в шоке, но, конечно же, согласился. Мы быстро раздели Лику, пока она продолжала нарочито ломаться. На самом деле девчонка распалилась не на шутку. Делала всё с огоньком.

— Мальчики, а так точно можно? — спрашивала она, невинно моргая и дуя губки. Талантливая актёрка, ничё не скажешь

— Конечно, солнышко. И не только так. Становись-ка лицом к дивану.

Мы несколько раз поменялись местами, потом попробовали бутербродом. И так, и сяк, по-всякому. Лика полностью расслабилась, чувствовала себя комфортно и просто кайфовала: стонала, визжала, даже смеялась порой. Крики, стоны, разгорячённые тела. Всё слилось, как в безумном клипе. Время странно исказилось и вытянулось. Казалось, прошла вечность, прежде чем я с рёвом буквально взорвался так сладко-сочно, что словно опустошился от макушки до пят. Она довольно заулыбалась.

— Мальчишки, тайм-аут. Я в душ.

И понеслось. Долгими зимними вечерами мы бум-бумились как остервенелые. Уровень безумия и жести нарастал

постепенно. Сначала экшн стал идти чуть более агрессивно. Всем это нравилось. Потом в ход пошли пощёчины, шлепки, лёгкая грубость. Жека постоянно пытался раскрутить нашу пессию на всякое, а однажды притащил плётку. Тем вечером Лика отожгла не на шутку и раздвинула свои границы (если они вообще у неё были)

В момент её пред-пика я не мог оторвать взгляда от Лики. Внутри разгорелся пожар, когда её лицо внезапно разгладилось и озарилось светом мощного кульминационного экстаза, словно окатившего меня волной вместе с её диким воплем. Следом за ней я взрывался так сильно и долго, как только мог вытерпеть, а потом отрубился, распластавшись на полу.

К чему я всё это рассказываю? Скоро поймёте.

Сам я, признаться, по старой памяти тоже не побрезговал получить хорошей порки. Принимая яростные обжигающие хлёсткие прилёты, я дико отработал Лику в совершенно безумном темпе. Только когда марево кайфа схлынуло, мне стало понятно, что она всхлипывает.

Признаться, я подумал: «Пиздец», и вообще в тот момент не понял, что актриска «отыграла сцену». Она такое любила делать. Лика наигранно пообижалась немного, а потом «в ответ» она устроила мне экзекуцию. Я был зафиксирован на стуле. Весь вечер они с Жекой резвились как безумные шиншиллы прямо передо мной, а иногда и на коленях у меня. В итоге она приземлилась на мой шток, но лишь для того,

чтобы подло соскочить в самый ответственный момент, разрушив столь долгожданный кайф. И вlepила звонкую пощёчину, когда холостой финиш опорожнил меня.

Самое удивительное, что в наши игры прочно вошла практика жёсткого ограничения и даже тотального сенсорного прессинга. Подробности здесь излишни. Всё это было несколько опасно. Скажу лишь, что для этого мы даже кое-что переоборудовали в комнате. Визги, крики, матерная брань перемежались хрипами и стонами на грани сенсорного оверлода. Ли́ка извивалась всем телом, лавируя между болью и экстазами, балансируя на тонкой грани самбы. Казалось, она может выдержать всё, и предела вовсе нет.

В такие моменты ситуация захватывала меня без остатка. Я словно выпадал из реальности и был уже вовсе кем-то другим, настолько эмоции и чувства становились интенсивными. Про себя я называл это — «выбило лампочку».

Однажды в гости к Жеке приехал двоюродный старший брат, настоящий моряк Олег. Высокий, крепкий, загорелый детина. Как позже призналась Ли́ка, ей понадобилось сменить ежедневку в первые же секунды, как он переступил порог квартиры. Олег принёс с собой несколько пузырей водки, красную рыбу и ещё какой-то пакет. Весь вечер сыпал историями о морских походах, неустанно подливал всем водку, курил прямо в комнате, расточал комплименты хозяйке дома.

Слово за слово, Олег запросто и не стесняясь подарил Ли-

ке увесистый хромированный сувенир с цветным камешком у основания и непринуждённо предложил всем расширить «жизненный опыт». После чего выразительно посмотрел на Лику. Она для порядка стрельнула глазами в мою сторону. Я лишь слегка кивнул, выражая общее одобрение.

Началось непотребство нового масштаба. Никто ещё не предполагал, куда оно нас заведёт. Втроём мы знатно раскачали «куртизанский индекс» Лики во всех мыслимых позициях. Олег был просто монстром и явно правил балом разгоняя Лику до искр из глаз.

В какой-то момент Олег открыл пакет, извлёк оттуда несколько различных плёток, кожаные наручники и бустер скольжения. Девка примерила подарок, ойкнула и захихикала.

— Новые ощущения, — подмигнул ей моряк, — Кстати, давайте ещё по рюмочке, пацаны.

В комнате стало душно и воняло похотью. Олег мастерски работал плёткой, точно чувствуя Лику и не допуская перебора. Мы с Жекой стали словно два ассистента на подпевках у мастера. В решающий момент самого острого накала ощущений в дело вступал Олег и напористо атаковал «бедняжку». Боже! Сколько он может за вечер?! Я закурил и решил взять тайм-аут. Наблюдать тоже интересно. Олег нещадно прошёлся Лике по спине. В какой-то момент, когда она была на пике экстаза, моряк, погладив её по задку, по-отечески сказал

— Напряги пресс, милая.

Следом троица устроили такой феерический перфоманс, что я натурально обалдел и вообще уже перестал понимать, что происходит, но одно знал точно — у меня просто каменная боеготовность.

— Смотри, как прётся птичка, — подмигнул мне Олег и стал двигаться ещё интенсивнее.

Они менялись и так, и сяк. В конце концов Лика окончательно съехала с катушек и натурально вошла в аффект.

Ну а дальше... даже не знаю, как рассказать, чтобы все прокуроры мира не слетелись словно стервятники. Чёртов Олег повёл нас в самые глубины тьмы. Помните я говорил, что мы кое-что переоборудовали в комнате? Моряк провёл срочный апгрейд, раскрывая недюжий талант в искусстве разврата.

Так вот, Лика оказалась расклячена внутри этой конструкции в весьма интересном положении, граничащем с безумием. Настоящий камикадзе-экстрим. Главный корд тем не менее оставался у неё в руке. Лика ухватила за него покрепче и поудобнее беря на себя контроль и устраиваясь покомфортнее. Олег проверил натяжение, ухмыльнулся. Началась беспредельная плотская свистопляска, словно Лика на самом деле вознамерилась получить «Female Performer of the Year» на AVN Awards

— Иди сюда, — сказал Олег, обращаясь ко мне, — Давай. Не тормози. Кайфуй!

Я почувствовал азарт и одновременно ощутил, как учащённо-беспокойно забилося сердце. Всё это определённо было слишком опасно, и мы явно прямо сейчас выходили за грань, которая способна разделить жизнь на «до» и «после». Наш отряд гардемаринов принялся разватрушивать и дербанить «куртизанку» взаправду и всерьёз. Вопли, стоны, шлепки, сопение.

Происходящее стало казаться сном. Лица с безумными азартным лицом секс-берсерка, своим видом возбуждала и малость пугала одновременно. Реальность полностью вышла из чата. Такого вам не покажут даже на “инсехс” пацаны. Помню, как ближе к финишу я в какой-то момент неожиданно для самого себя смачно съездил ей раскрытой ладонью. Очень звонко. Олег одобрительно хмыкнул.

Она мотнула головой. Пальцы её побелели. Девчонка вцепилась максимально, сохраняя контроль. Всё ж Лица была уже весьма опытна в таких играх. Я повернул на себя её голову и принялся за дело совсем нахально. Вид глаз, сверкающих то ли от шока, то ли от адреналинового овердрайва и актёрского таланта — удваивал наслаждение. Хотелось, чтобы это длилось вечно. По телу Лицы шла дрожь. Или мне так показалось.

— Давай резче! — вдруг сказал Олег

Я заглянул в Лицины глаза и увидел там бешеную вспышку. Она возникла мощным импульсом прямо перед тем, как я испытал ни с чем до тех пор не сравнимое наслаждение, за-

прокинул голову и взорвался на миллиард колючих искр. Казалось, меня прошило до костей. В следующий момент Олег оттолкнул меня. А Лика внезапно, обмякла словно тряпичная кукла. Я смотрел на неё, и меня охватывал ужас такой силы, что сделалось невозможно дышать. Стало пронзительно тихо. Теперь это точно был «пиздец».

Жека весь сжался. Глаза его бегали — казалось, он сейчас сделает лужу под себя. Или даже чего похуже.

Олег раскрытой ладонью отвесил Лике такой чапалах, что я аж вздрогнул. Нестерпимо долгое мгновение ничего не происходило. Потом Лика застонала и сказала:

— Бля... ну вы чё... приколов не понимаете... я вас просто подъебать хотела.

— О, нормально, — оценил ситуацию Олег, быстро пряча промелькнувший в глазах страх за привычной маской.

— Актриса хуева!

Я сидел на полу, обхватив голову руками, и почти плакал от дикой смеси ужаса и счастья. Потом сказал, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Пора завязывать.

Но на самом деле — мой взлёт только начинался

Глава 3

Не стану утомлять подробностями того, как я выбрался из этой передряги и не загремел на государственный курорт. Сплошные унижения и боль. Главное, что мне это удалось. К счастью, Лика оказалась на удивление рациональной. Пришлось пообещать подруге, что помогу ей перебраться из нашего захолустья в один из крупных мегаполисов, а может даже и в столицу. Куда конкретно? Мне было плевать! Как именно это сделать, решали методом проб и ошибок. Обещание своё в течение года я выполнил. Освоившись за этот год в мегаполисе и набравшись сил, Лика отчалила из нашей коммуналки в самостоятельное плавание в поисках лоха... тьфу ты... наивного терпилы с пропиской... то есть я хотел сказать — хорошего парня. Цитируя Лику: «Настоящего мужчины, готового брать ответственность».

Я же, в свою очередь, вновь окунулся в водоворот случайных баб дополнив пьянство злоупотреблением чем похуже. Текучка кадров была такая, что всех и не вспомнить. Город большой, и «куртизанок» здесь видимо-невидимо. В те времена интернет у многих граждан уже был, и процветали сайты знакомств. Вполне можно было выцепить годную бабенку на потрапушки, но и фейлы случались знатные. Пройдя тернистый путь и раскидав толпы беспонтовых кобыл, я наконец нашёл бриллиант. Уроженка гор. Тридцатисемилет-

няя рекламщица-карьеристка с огромной татуировкой огнедышащего дракона во всю спину. Как сказал один мой знакомый: «Эти — самые сытные»

Её звали Зара. Яркая представительница своего племени. Да простит меня диаспора. Девушки такой внешности всегда мне нравились. Длинные смольно-чёрные волосы. Маленькая ростом. Стройная, но не костлявая, с округлыми плечами. С большими буферами. Каждая буквально размером с мою голову. Шучу конечно, но... Крепкие, как дыни. Темпераментная. Сама призналась (спустя год), что рано вышла замуж, потому что либидо больше не позволяло сохранять статус приличной девушки. Не понимаю, почему она вообще решила мне дать. Особенно после того, как выяснила, что я не просто живу в коммуналке, но ещё и делю комнату с соседом (зато очень дёшево). Уже оказавшись в этой комнате, Зара явно собралась передумать. Нужно было срочно действовать. Женщины вообще любят именно действие. Я изобразил шутливый галантный жест, встал на одно колено и взял её за руку.

— Зара, солнце, я так тебя хочу! Клянусь, что очень постараюсь для твоего удовольствия. Я готов на всё.

Она прижала ладонь к груди и расхохоталась. Мои руки прикоснулись к её ляжкам, скользнули выше. Зара одним движением расстегнула и отбросила юбку. Я стащил с неё стринги. Она запустила пальцы мне в волосы и сказала, сосредоточенно глядя сверху

— Тебе придётся нелегко, дорогой. Я там немножко не бритая.

— Плевать!

Я действительно выложился по полной. Для начала застрочил смачный блоу-ворк, зарывшись поглубже. Зара охала, извивалась и громко стонала, вцепившись в мою шевелюру. Наслаждение буквально плескалось через край. От неё исходила мощная сексуальная энергетика. Настоящий сексо-ядерный реактор. Я сильно завёлся. Ухватился за ляжки, запрокинул их посильнее.

— Ааххх.... Даа... Дааа... О боже! ДА! Охренительно, дорогой! Ещё

Я подчинился и перешёл на джедайский уровень.

— Давай на всю и повращай, — потребовала Зара, притягивая мою голову к себе.

Свободной рукой она стала активно баловаться пальцами и вскоре бахнула так, что наверняка слышали все соседи. Я же почувствовал, что весьма доволен собой.

— Иди сюда, — позвала Зара. В руках у неё уже была надорванная упаковка презерватива.

В два движения она ловко раскатала резинку, попутно отпустив комплимент по поводу моих размера и формы, что изрядно польстило.

Мы порезвились так неожиданно великолепно, что трудно подобрать слова. Её стоны, её крики, тепло и упругость её огромной груди, бёдра, стискивающие меня со страстной

силой. Но главное — это то, как Зара двигалась и как она со страстной силой сжимала меня внутри. Супер-бонусом шёл мощнейший глубокий фидбек. Я без труда чувствовал её и знал, как нужно делать, а она, в свою очередь, абсолютно точно понимала мои ощущения. Вместе мы легко направляли друг друга всё выше и выше по спирали ощущений на пик блаженства, откуда был только один путь. Лицо Зары, искажённое предфинишным экстазом, было прекрасно. Я смотрел в её глаза и словно испивал чашу жизни до последнего мгновения. Мы синхронно достигли кульминации и низверглись сквозь экстатическую судорогу в тёмную пропасть забытья. Думаю, это то, что французы называют *la petite mort* («маленькая смерть»).

— Это ты, конечно, угадал, — сказала Зара, разминая сигарету в руках, — обожаю, когда мне такое делают. Дать почифирить — любимая забава юности и способ разогрева. В молодости я была наивно романтизирована и не давала мужу до свадьбы, как и полагается хорошей девочке. Но хотелось-то жуть как. Поэтому мы часто прочищали дымоход.

Пять минут назад она вышла на кухню в моей футболке и, пристально посмотрев соседу в глаза, сказала: «Да, мне понравилось». Они засмеялись и тут же бахнули «по писят» за знакомство. Впоследствии они стали заядлыми собутыльниками.

— Давно такого не практиковала? — поинтересовался я.

— Очень. Я и не была-то ни с кем уже почти три года.

Вся эта история с разводом... И детьми надо заниматься... Короче, не важно.

Зара стала частой гостьей нашего флэта.

Когда она появлялась, все приводились в движение. Один (то есть я) бежал бриться, другой доставал запотевший вискарь из морозилки, третий спешно нёс кальян. В свою очередь, Зара всегда имела при себе большой запас всякого дымного и тонну отменного юмора. Было поразительно, сколько могла выпить и выкурить эта маленькая хрупкая с виду женщина, оставаясь в рамках приличного поведения. По крайней мере, до того момента, когда мы уединялись в спальне. Там Зара ни в чём себе не отказывала и эксплуатировала меня нещадно.

Она абсолютно вела в наших отношениях. Любила длинные прелюдии, затяжные поцелуи с языковой эквилибристикой, массаж, «устное» убаживание всех возможных видов и динамичный долгий секс с перетекающими один в другой мощными разрядками. Взамен я получал отличный хенд-мэйд-ворк (караул, а не слово), фантастическое умение работать внутренними мышцами, умопомрачительный блоу и возможность свободно разрядиться тем или иным способом. Например, между её буферов. Это, скажу я вам, отдельный кайф.

Но особенно трепетно Зара любила игры с дымоходом.

Оказалось, у неё есть целая коллекция игрушек. Часть из них перекечевали в мою берлогу. Пуская в ход очередной девайс наравне со мной она в такие моменты словно сходилала с ума, пускаясь в бешеную сексуальную свистопляску.

— Да! Да! Да, бляяая!!! — кричала Зара, с такой силой ударяясь о меня, что я едва не терял равновесие.

Динамика движений, крики, мат, стоны, за которыми всегда следовала продолжительная кайфовая дрожь, переходящая в судороги, в течение которых она, постанывая, медленно соскальзывала, выпуская штоки почти до конца, а затем надвигаясь опять, чтобы пойти на новый круг.

Потом я менял резинку, делал смену порта, и так несколько раз до полного её изнеможения. В таких случаях требовалось время, чтобы Зара могла прийти в себя и как следует проявиться в ответной любезности. Делала она это чертовски хорошо, демонстрируя реальный world-class.

Соседи по квартире жаловались, что дескать, нервничают, встречая Зару в коридоре после такого. С размазанной тушью и перепачканным лицом. Жующую сосиску, сворованную из их холодильника. Это они ещё не знали, как она храпит, распластавшись на моей софе. Хотя вот сосед по комнате знал отлично. Замечу, что об амур-де-труа речи вообще не было — Зара всё ж таки приличная женщина.

Однажды изрядно напившейся Заре стало «слишком хорошо» в процессе. К счастью, дело было летом, она успела броситься к открытому окошку и перегнуться через под-

оконник. Я был почти у цели и не хотел ждать, а потому пристроился позади. Буквально чувствовал изнутри, как сильно её сжимает, и это было мощно. Ухватившись покрепче, я стал действовать совсем беспардонно. Зара заскулила, вцепилась в подоконник и терпеливо дождалась, пока я закончу.

— Заебись бя, — сказала она, сползая на пол и утираясь краем шторы, — тока не делай так больше.

— Не буду, — пообещал я, но обещание не сдержал.

В тот день Зара впервые была в корсете. Крутецкая штука. Ей очень шло. И впервые принесла плётки. Меня неречно зацепило, и пошёл кураж. Я буквально вложил в последующее действие душу, как в произведение искусства. После длинной прелюдии и короткой стычки я остановил её на грани и взялся за девайс. Очень долго разогревал, охаживая лёгкими воздействиями всё её тело по кругу, чередуя плётку с поглаживаниями руками, и тискал тяжёлые крепкие буфера, вывалив их из корсета. Потом поставил её у низкой софы так, чтобы колени стояли на ковре, а вся она лежала на софе, и добавил немного огня её заднице.

Зара вскрикивала, ойкала, стонала, елозила и извивалась. Попа покраснелась. Я стал подключать ляжки и иногда спину и плечи. Морда дракона на её татуировке во всю спину выглядывала как раз над корсетом и, казалось, недовольно морщилась, получая хлёсткие прилёты. После короткого пе-

рерыва, получив от неё отмашку, я усилил воздействие, и Зара уже не на шутку взвизгивала, содрагаясь всем телом под стегавшей её кожей. Непроизвольно прикрывая ягодичцы, иногда рискуя получить накат по запястьям. Тогда я приказал ей:

— Возьми себя за локти.

Она беспрекословно подчинилась. С этого момента моё возбуждение вышло на новый уровень. Плётка стала охаживать её по-настоящему плотно.

Бац! Бац! Бац!

—Бля! Бля! АААааааа! Блять!

Я буквально ощущал, как хлёсткие хвосты врезаются в её кожу. И кайфовал! Это полностью поглощало меня. Странное чувство захватило тело и внимание. Словно какая-то тёмная сила втягивала нас в нереальную воронку. Зара взмокла и кричала не сдерживаясь, иногда почти срываясь на визг.

— Давай бля! Ты мужик или сраная баба?!

Звуки её криков, сильный запах её пота, разметавшиеся по софе волосы, непроходящая дрожь тела — взвинтили мои ощущения. И в первую очередь ощущение безграничной власти. Власти над ней. Власти над временем. Власти над всем! Я видел всё настолько отчётливо и детально, словно застывал в каждом моменте обострённого восприятия.

Видел, как при очередном хлёстком стежке она резко сжалась, как выделилась объёмная капля. Заискрившись в лю-

минесцентном свете люстры, капля стала падать, вытянувшись в тонкую нитку.

— Бляяя! Поттише! Поттише, прошу! — Зара почти выкрикнула это, но реальный сейф-ворд явно использовать не спешила

— Пощадите, пожалуйста, хозяин, — напомнил я.

Словно в замедленной съёмке я наблюдал, как взлетают хвосты плётки. Как извивается её тело под прилётами. Вопли, вздохи, стоны, всхлипы, матерщина. Она буквально дошла до сумасшествия, а я наслаждался этим с экстатической силой, чувствуя взрывную витальную энергию, мощным разрядом проходящую через неё. Это уже не Зара. Зара была, да вся вышла. Передо мной сексо-ядерный сгусток, не помнящий себя и стремящийся из ниоткуда в никуда. И я его сейчас взорву!

Сейчас я устрою ей встречу с богом.

— Хозяин, умоляю, пощади!!! — донесся словно издалека голос.

Я бросил плётку на софу. Пристроился к Заре позади. Я был так твёрд, что даже делалось больно. А когда вошёл в неё, сжатую и мокрую, то будто получил ожог наслаждением. В голове словно что-то лопнуло. Забылось и исчезло всё. Я атаковал её неистово и яростно. Яростно и неистово. Это уже стал не трах, это походило на попытку проломить реальность.

Её крик был похож на визг дикого животного. Клянусь,

было слышно, как на кухне зазвенели стаканы.

—Ааааа.....!

Невозможно описать звук её разрядки. Этот звук, полный неистовства и невыносимости наслаждения. Невыразимого наслаждения «за гранью». В тот момент мне было плевать, чего было больше в этом звуке — шока или кайфа. Я чувствовал, что мне этого мало.

Хотелось большего! Я собрал её волосы, намотал на руку, перехватился поудобнее, крепко держа, ухватил второй рукой за корсет, потянул Зару на себя и начал молотить\загонять глубже, сильнее. Ещё сильнее. Ещё сильнее!

—Хозяин! Хозяин... не могу больше.... Боже!

—Отставить, —сказал кто-то моим голосом.

Я чувствовал, как ей непросто, когда жалят на такой глубине, и наслаждался этим. Она извивалась и подвывала, но из упрямства опять не сказала сейф-ворд. Это настолько усиливало мои ощущения, что невозможно было остановиться.

Я хотел ещё! Мне была видна лишь одна сторона её лица. Я схватил Зару за подбородок и насколько мог повернул, обращая лицом на себя, продолжая жалить внутрь. Вид её глаз гиперболизировал возбуждение. И я впечатывал, впечатывал, впечатывал! Удовольствие волнами проходило через меня. У этого потока не было ни начала, ни конца. Только эйфория!

Не знаю, сколько это длилось.

А потом мир взорвался, и наступила тишина.

Наступило счастье.

В тот раз Зара сделала вид, что не обиделась. А я поверил. Она лишь коротко сказала:

— Ты мне теперь должен.

Довольно быстро всё вернулось в привычное русло. Мы регулярно злоупотребляли всяким и неистово занимались любовью. Каждый раз, как в последний. Так продолжалось какое-то время. Пока я не получил ядерный хэд-шот.

Однажды, приняв «устный спич» и сочный дымоход-плэй, она предложила расширить кругозор и попробовать что-нибудь новенькое. Получив согласие, Зара, заговорщицки ухмыляясь, достала из своей бездонной дамской сумки огромный тюбик с депиляционным кремом для интимных зон. Возлюбленная густо обмазала меня им от пупка до пят. Особое внимание было уделено промежности. Потом мы пошли в ванную комнату, и она долго, тщательно, с наслаждением соскабливала его пластиковым скребком. Затем увлажнила кожу другим кремом. Я стал гладким и мягким, как пупс. Всё это изрядно будоражило. Мы вернулись в комнату. Зара достала из сумки небольшой пакетик, вытряхнула на постель шмотки. Пара чёрных чулок и атласная белая ночнушка.

— Надевай, — приказала хозяйским тоном, не терпящим возражений.

Я повиновался. Напялил чулки. Потом надел ночнушку. Чувствовал себя по-прежнему голым, и ещё мною овладело чувство лёгкой взволнованности. Зара с интересом наблюдала, сидя на софе, закинув ногу на ногу.

— Встань передо мной. Опустись на колени.

Зара пристально посмотрела мне в глаза. Я не выдержал и почему-то отвёл взгляд.

Бац!

Звонкая пощёчина буквально огорошила своей внезапностью.

— Смотри на меня! Нравится наряд?

— Да.

Бац!

Ещё одна пощёчина прилетела слева.

— Отвечай «Да, Хозяйка». Ты понял, что сейчас будет?

— Да, Хозяйка.

Зара носком ноги приподняла край ночнушки.

— Уууу... да у тебя готовность, сучка! Отлично!

Зара встала и, зайдя мне за спину, принялась рыться в сумке. Когда она вновь появилась, на ней был ярко-красный снаряд. Дальше началось такое, что описывать подробности лишено смысла. Зара оказалась мастерицей. Талантливый человек талантлив во всём. Ей удалось заставить меня неподдельно ощутить себя в роли покорной сучки, сопровождая весь экшн звонкими пощёчинами и откровенными насмешками, вперемешку с грязными оскорблениями. Мне

как будто бы не нравилось, но она так явно кайфовала, что это вместе с чувством азарта и любопытства вело нас дальше и дальше.

— Давай сучёнок! Вот так! Сейчас я устрою тебе рёбаный ёт как следует. Потом друзьям похвалишься, ха-ха.

Изрядно распалившись, Зара толкнула меня на софу.

Дальнейшее рассказывать не стану, ибо стрёмно. Весь азарт быстро схлынул. Я словно получил инъекцию раскалённым рельсом. Я извивался. Я кричал. Я рыдал. Но, я не хотел ей уступать. Я такой же упрямый. А она, заливисто смеясь, продолжала. Боль, стыд, унижение, отвращение — завладели мной полностью.

Выдохнувшись, она сказала:

— Кажется, с тебя достаточно непотребства. Иди подмойся и приберись здесь.

Как рассказать, что было дальше? Дык дальше начался форменный пиздец. Мы были как два пьяных и обкуренных солдата, соревнующихся в дедовщине. Нежность списали в утиль, а на её место пришёл «Устав карательной эротики». Зара также расширила ассортимент допингов. Именно запас всякого — или его отсутствие — отбивал ритм того, что происходило. Тогда я был слишком туп, чтобы понять — Зара сама регулировала игру таким образом, постоянно толкая маятник насилия то в одну, то в другую сторону.

Когда у Зары он кончался, я буквально зверел и исполнял с ней такое, за что в приличных домах вызывают полицию. Я обожал поставить её на колени посреди комнаты и юзать орально, прерываясь только, чтобы дать пощёчину.

Пристроившись позади, требовал от неё кричать: «Я поганая лядь, и я люблю долбиться», «Да! Сильнее, как шалаву, как шаболду, приходиуй меня». А потом намеренно сдерживал финал, чтобы это безумие длилось как можно дольше.

Однажды я даже не стал отрабатывать её. Серьёзно. Кое-как усадил её на корточки. Потом поставил одну ногу на край компьютерного стола и сделал всё буквально вручную. Одной рукой держа её за подбородок, постоянно грязно комментировал это. Пот капал со лба прямо ей на лицо, в комнате сделалось невыносимо жарко.

Когда я закончил, взгляд Зары тут же стал острым и злым, но мне было плевать.

Зара резко встала и впилась в меня глубочайшим поцелуем. Потом отстранилась.

— Однажды ты совершишь непростительную ошибку, — сказала она.

Когда допингов было завалишь, Зара превращала меня в сучку! Да, она скакала на моём штоке, но... Она всё чаще требовала терпеть «непотребства», носить только кружевное бельё и чулки прям под джинсами, всегда держать плаг под рукой в дни наших встреч, делать ей массаж ног прямо при друзьях на общей кухне или даже в ресторане.

Удобно раскинувшись на диванчике после очередного совместного похода в мужской туалет, она брала влажный ото льда стакан вискаря и просто бросала на меня свои ноги. Я послушно массировал её стопы. Мне и вправду это нравилось. Все вокруг делали вид, что ничего не происходит. А что? Она всем назначила роли. Один мой друг с машиной был таксистом, второй собутыльником и подпевалой, другого она просто изолировала. Сам виноват. Слишком много трэндел.

Фронт-ог-бэк орал-ворк по запросу в любое время в любом месте, где ей приспичит. На парковке. В парке. В мужском туалете после совместного подрыва. В лифте по пути домой. Зачем ждать? Или всякое с её новым снарядом. Смотря какое у неё было настроение. Боеприпас всегда был при ней в её бездонной дамской сумочке. Как ни крути, а контроль ситуации был всё же в её руках. Это длилось долго, очень долго, и стало рутиной. Бывало, после суточной смены я едва доползал до кровати, а она заявлялась в десять утра (типа мимо по делам проезжала, ага). И просто скакала на мне, пока я пытался спать. А потом быстро убегала. Самое забавное, что я даже не собирался из этого выходить. У меня не было ни времени, ни сил обдумать такое. Да и если совсем честно, то потеря Зары не могла мне присниться даже в самом кошмарном сне.

И вот однажды дерьмо таки случилось. В тот день я ждал Зару с «подарочком». Уже две недели не было ни единого

прикола. Чёрт! Я выскреб все запасы допингов до дна. Почти месяц работал по графику сутки через сутки и начал натурально съезжать с катушек. Память вылетела в трубу. Терпение и самообладание вышли из чата. Носки стало проще купить, чем постирать. А она пришла пустая.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Мы выкурили по сигарете с чаем и пошли в мою комнату. Голова звенела, как жажнутый об пол чайник. Зара скинула всё, оставшись лишь в корсете.

— На корточках, — скомандовал я, — руки за затылок и держи их там.

Она сделала это и просто смотрела на меня.

— Ноги шире! Хочу видеть всё.

— Кажется, я в туалет хочу, — сказала она.

— Потерпишь, — отрезал я

Затем схватил старый потрепанный ротанг и начал стегать её по бёдрам и ляжкам.

Внутри всё словно окаменело. Только чувство гнева и пустота. Атмосфера в комнате сгустилась так, что даже стало темно. Хотя отчётливо было слышно, как гудит стартер в лампе над головой. А может, это у меня потемнело в глазах. Я вывалил её твёрдые тяжёлые груди из корсета и начал слэпить по ним ладонями. Звук был такой, словно шлёпал арбуз. Но мне было мало.

Я стал чередовать порку и шлепки по буферам. Зара взвизгивала, но не кричала. Пальцы ног устали, и ей стало трудно держать равновесие. Каждый раз, когда она вставля-

ла на колени, я упрямо возвращал её на корточки и вlepлял пощёчину. Пространство странно исказилось. Я чувствовал, как демон рвётся наружу и хочет чего-то кошмарного. От очередной оплеухи припухла губа. Мне стало страшно и мощно одновременно.

Она уже натурально была на грани. Я поднял её и толкнул на софу.

— Руки за голову! Расклячь ляжки посильнее.

Я пристроился на коленях возле софы. Потом подтянул бедолагу к себе и приступил к делу. Это было как...будто проваливаюсь в «тесную пустоту». Я почувствовал спазм. Казалось, что сейчас выплесну чай обратно. Тело странно трясло нездоровой дрожью. Зара приподняла голову:

— Давай, хозяин, покажи...

Она не договорила, получив мощную пощёчину. Я тут же финишнул. Но ощущение было такое, словно подорвался на mine. Живот скрутило так, что поневоле пришлось завывать. Зара лежала, повернув голову набок. Она была абсолютно безучастна. Всё как-то застыло. И на секунду стало непонятно — что дальше?

— Доволен? — голос её был как картон.

Я сплюнул на пол и ушёл на кухню. Сидел там голый на подоконнике и курил. За окном шла жизнь. Когда докуривал третью сигарету, на кухню вошла Зара. Она была уже полностью одета, с сумкой в руках. Пошарив в ней, Зара достала здоровенный пакет. Швырнула его на стол и ушла.

Кажется, тогда мне уже следовало наконец понять, что она всё это время контролировала ритм и вектор «игры». Но я был слишком занят своим охуеванием.

Я был обескуражен. Но только секунду. А во вторую я уже дербанил упаковку.

Зара пропала на две недели. Ведь месть, это блюдо, которое подают... известно каким. Я был так занят уничтожением запасов допинга, что некогда было переживать об этом. Старался не думать, что возможно больше не увижу её никогда. Меня больше волновали долги и неиллюзорная угроза вылететь с работы после того, как я почти послал менеджера и практически вытолкнул его взащей.

Это произошло, когда у нас случился локальный ЧП — нас обокрали. Как? Представьте, что деньги хранятся в сейфе, ключ от которого у старшей смены, а сам сейф стоит в подвале в центральной комнате охраны, запертой изнутри дежурным секьюрити. Так вот, один ловкий парень провернул это, даже не входя в здание. Он так присел на уши старшей по телефону, что та сама спустилась в подвал, постучала, вошла, когда ей отперли дверь, открыла сейф и вынесла полляма подельнику этого чёрта. Не представляю, что он ей там сказал, но по конторе пошёл нехилый шухер.

Менеджер припёрся внезапно, в неурочное время (утром под конец суточной смены), чтобы выдать мне корпоратив-

ные наставления, и просто подвернулся под горячую руку. Потому и был закономерно послан.

Я размышлял, лёжа на диване, о перспективах возвращения в свой лютый Шмелеёвск, когда затренькал телефон.

— Ну и хрена ли ты мне не звонишь? — раздался её голос в трубке.

— Стесняюсь, — ответил я.

Раньше, когда мы ругались, первым звонил тот, кто больше накосячил. Ну или тот, кто громче кричал и матерился. В этот раз порядок был явно нарушен.

— Мой жопу, хуй и ноги — я уже в дороге, — сказала она и положила трубку.

Я успел ещё побриться и даже немного постричь лобок, когда пропел дверной звонок. Мы обнялись и долго целовались прямо в прихожей. Потом переместились в комнату и там наконец разулись. Прелюдия длилась неприлично долго, и я выложился на полную. Зара стонала, кричала и извивалась подо мной, на мне и даже позади меня. В тот раз, она наконец распаковала новый суперреалистичный девайс со всякими наворотами «для неё», который мы купили больше месяца назад. Спонтанная покупка, бя. До сих пор помню, как это было.

Мы зарулили ни с того ни с сего в попавшийся на пути секс-шоп. Продавщица, сразу видно опытная баба, мгновенно оценила обстановку. Она была чуть старше Зары, примерно лет сорока или сорока пяти. Зара спросила о вульгарных

чулках «размером вот на молодого человека» и «ещё что-нибудь интересное у вас есть?». Торговка и бровью не повела. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Тётка оценивающе, с прищуром посмотрела на меня и стала что-то предлагать. Я на всякий случай стал сдвигаться к самому дальнему концу витрины.

— Идите сюда, всё ж таки мы для вас выбираем, — сказала эта стерва.

— Милый, посмотри, какая прелесть, — вторила ей Зара.

— С этой стороны насадка работает с партнёршей и имеет несколько режимов вибрации и пульсации, а также особый «женский акцент», — Заливалась соловьём продавщица, — Обратная часть тоже с вибрацией, и самое чудесное с рельефной имитацией и по осязанию как настоящая кожа. Потрогайте.

Продавщица щелкнула тумблером на выносном блоке, и девайс в руках Зары издал низкий, утробный гул, переходящий в сухой стрекот.

— Слышите? — прошептала торговка. — Это японский сервопривод. Он не просто дрожит, он прошивает.

Я вообще обалдел от всего этого цирка. Но вечеринка только начиналась. Зара восхищённо ощупывала девайс, цокала языком и сокрушалась о цене и невозможности опробовать столь дорогой девайс до покупки.

— А, тест-драйв, — кивнула сучка-продавщица, обошла прилавок и, пройдя к двери, щёлкнула затвором.

И в этот момент я сдрейфил. Да, признаюсь честно.

— Зара, давай уйдём, — промямлил мой рот

— Что? — вскинула бровь она.

— Давай уйдём, прошу тебя! — почти завизжал я

— Это ещё почему?

Я посмотрел на продавщицу, замершую у проёма двери в пригласительном жесте, словно зазывала в ад. Её спокойный взгляд пугал меня до усрачки. Это был взгляд стражницы. Настоящей стражницы порока, знающей все твои тайны и твой размер лучше тебя самого. В проёме позади полоч было темно. Только в глубине большой светильник над узорным ковром создавал трапедию света. Справа и слева от него угадывались силуэты двух вычурных винтажных кресел.

Но я видел только, что это путь в мир, откуда нет возврата. Мир особых вечеринок, закрытых сессий и, скорее всего, тёмного видео. Мир, где тебя выпотрошат и забудут. Даркспейс мать его так! Я вовсе не испытывал желания покинуть наш камерный мирок и ступить на эту территорию неизведанного. Но объяснять всё это Заре не было никаких сил. Я просто бросился перед ней на колени.

— Умоляю, давай уйдём!

— Но я хочу испытать эту штуку, она слишком дорогая,
— сказала Зара с серьёзной физиономией.

— Плевать! Я заплачу.

— Ахах, заплачешь?

— Ты поняла, о чём я. Прошу, не издевайся.

— У тебя денег нет, милый, — ухмыльнулась она.

— Я зарплату вчера получил.

— С твоей зря-платой эта покупка заставит тебя жить впроголодь.

— Кредитку распечатаю, мне недавно навязали в банке.

Я вцепился в её бёдра и буквально встряхнул.

— Умоляю, хозяйка! Сделаем с этой штукой всё, что захочешь. Только давай сейчас уйдём.

— Понятно, — холодно сказала она, и добавила, — Давай карту. Иди жди в машине, маджнун, пока мы с тётей разговариваем.

Я бросил взгляд на «тётю». Она стояла, оперевшись спиной на витрину и сложив руки на груди. Только левый уголок рта, чуть скривившись, выдавал её усмешку. Оказавшись на улице, я немедленно мощно дёрнул. Потом закурил сигарету. Вот тогда, ещё тогда появилось это чувство надвигающейся катастрофы.

И теперь, спустя месяц, настал момент исполнить обещание. Она действовала не спеша, почти нежно, искусно и в меру напористо. Мы настолько вошли в раж, что оравший в соседней комнате телевизор вдруг сделался чуть тише. Но было плевать. Я хотел только одного — поскорее завершить экзекуцию и забыть об этом. Зара же оттягивалась на всю катушку.

Подробности тут излишни, да и стрёмно рассказывать пациентам. В целом всё было, как всегда. Моя ведьмочка кульми-

нировала пару раз, один за другим почти без паузы. Я уж подумал, что на этом всё и уселся прямо на подушке, оперевшись спиной о прохладный шкаф. Но у Зары имелись другие планы.

— Иди-ка сюда... — приказала она, поманив пальцем

— Что? Но... Не... погоди....

— Чего?

— Зара, но он же...

— И что? — тон был стальной, она явно начинала злиться.

Я замялся. Зара стала тащить меня за руку и столкнула на пол. Она встала ногами на софу.

— Сюда передо мной на колени опустишься кьул, — приказала она.

Возвышаясь на софе в полный рост, Зара широко расставила ноги. И, глядя сверху, отчеканила:

— Я твоя хозяйка, дрянь!

Казалось, она сейчас влепит мне, но этого на удивление не произошло

— Ты будешь делать всё, что я прикажу в жизни и в постели. Особенно в постели. Скажи, что понял.

— Да, хозяйка, — подтвердил я, потупившись.

— Смотри на меня!

Некстати припомнилась продавщица. Представилось, как она, закинув ногу на ногу, с тем же невозмутимым взглядом сидит в винтажном кресле, как будто неподвижно, но на самом деле искусно получает удовольствие сильным сжатием

и разжатием бёдер. И только уголок рта слегка дрожит. Зара нахмурившись приказала.

— Прости прощения за отказ хозяйке и целуй мне ноги.

Зара подняла ступню и поднесла подошвой к моему лицу

Глядя снизу, я вдруг увидел, что на её буферах до сих пор жёлтые, а местами и бордовые наплывы от прошлой сессии. Минувло две недели, но последствия всё ещё были без труда видны. Она перехватила мой взгляд, слегка вопросительно прищурилась. И я не посмел отказать. Она смотрела внимательно. Не упуская ни мгновения. Всё оказалось не так уж и ужасно и долго страдать не пришлось.

— Фу, бляя...! — фыркнула Зара.

Она толкнула меня ногой, ловко спрыгнула на пол. И скрылась за дверью комнаты в полутёмном коридоре. Прямо голая и не «разоружившись», бросив тихое небрежное — «Привет» — кому-то из соседей, прошлёпала босиком по коридору. Затем в ванной зашумела вода. В остальном стало тихо, грустно и противно. Я сплюнул на пол и закурил, присев на краю софы. По наивности я не понял, что будет дальше.

На следующий день она позвонила незадолго до выхода с работы. Там мне уже толсто намекнули, что можно паковать манатки. Поиск новой работы казался чем-то нереальным для моего расплавленного допингами мозга.

— Ты где? Давай выходи, — она бросила трубку.

Едва я успел вырулить на улицу, как ко мне подлетел чёрный, грязный и явно бывалый-боевой Прадик с мощным кенгурятником на морде. Тонированный в ноль. Пассажирское стекло чуть приотпустилось, и темный силуэт с голосом Зары кивнул на заднюю дверь.

— Садись.

В сумерках её было плохо видно, а водителя не разглядеть вовсе. Я забрался внутрь и устроился в центре заднего сидения. Потертый кожаный салон явно знал лучшие времена. Пахло прокуренным автомобилем и чем-то ещё.

— Мага, — сказал силуэт с водительского сиденья вполоборота протянув руку.

— Очень приятно, — соврал я, пожимая мохнатую клешню, но больше ничего не сказал.

Мы резко тронулись. Из магнитолы полился какой-то «Кавказ». Ехали быстро. Стилль вождения коротко можно было описать как: «я еду ёпта! Эсли маньёвр физически вазможин — значит разришон». Зара с водителем неспешно и весело переговаривались на совершенно незнакомом мне языке. Со стороны это выглядело как:

— Хуёмаётрипхубабурбада

— Камудамариримуманда

— Кашитьбабу!

— Эээ зайбаланахй бебембаркуда Зара!

Но мне почему-то стало стрёмно, а не смешно. Лобовуха

была, походу дела, обклеена в один слой, а вот все боковые стёкла — явно в два. Ничё ваще не видно. Приехали мы в итоге...к дому. Когда мы вывалили во дворе нашей одно-подъездной панельной свечки, я машинально посмотрел на окна своего флэта. Они были темны. Три неясных силуэта, кутивших под лампочкой возле опорного пункта полиции, побросали бычки в палисадник и скрылись, громохнув массивной металлической дверью.

Да, мы тут очень уютно устроились. В доме ментовской опорник, три остановки направо ментовская общага, а налево ментовская академия. Нет места лучше, чтобы куролесить не просыхая. Ты так привыкаешь к этим мундирам и к «передайте, пожалуйста» в утренней маршрутке от этих серых тел, когда сам мутный. В итоге в городе или в метро, услышав «Сержант Дурноляп предъявите ваши документы» вообще не вздрагиваешь. Даже если несёшь. Даже если он предлагает зайти в дежурку для уточнения данных.

Однажды я малость блатанул — ловким движением выдернув паспорт из потных ручонки, процедил сквозь зубы «Вон гастеров возьмите, чё вы начинаете время попусту тратить», — и это, к счастью, сработало. А то! Ценных специалистов было аж пятеро. В другой раз было даже я еле-еле увернулся. Поднимаясь на эскалаторе, вдруг увидел собачьи уши. Они меня срисовали, но было уже не прикопаться. Получилось в итоге как в той песне:

«Жора! Ёбанный насос! Где ты был?

Меня менты приняли, я всё слил».

В общем, в метро я больше снаряжённый не ездил.

— О чём задумался? — раздался над ухом голос.

— Чёт парней нет что ли? — буркнул я, — Или спят со смены?

— Они на концерте, — сказала Зара, — Мне на работе билетов пачку подогнали на Rammstein. Вот я им выделила.

— Ээ, щедрая ты, Зара, — сказал Мага, открывая багажник.

Он извлёк оттуда кожаный дипломат, который совершенно не вязался с его мятой полуспортивной курткой и штанами с тремя полосками.

— Нафига он тебе? — спросил я.

— Э, брат, дакументы важные. Парработе. Нэльзя бэз пи-рисмотра аставить.

Втроём мы зашли в темнющий подъезд. Неяркие лампочки у нас на всех этажах висели только у лифтов, а в отходящих влево и вправо коридорах всегда было абсолютно темно. В лифте мне наконец удалось разглядеть Магу при мерцающем свете тусклой лампы. Невысокий, крепкий, борода-тый дикий вепрь. Воин гор в каменных джунглях. Взгляд как бур, хотя Мага пытался выглядеть приветливо. И этот несу-разный дипломат в руке выглядел так же дико, как если бы он держал за хвост дохлую крысу.

Мы ввалились в хату почти одновременно, едва я отпер замок. Мага буквально занес, если не сказать запихал, нас в

квартиру. Дипломат он поставил в прихожей и, скинув боты, прошёл на кухню. Зара почему-то нырнула в комнату соседей. Я не придал этому значения и просто пошёл к себе переодеваться. Мага чувствовал себя как дома. Закурил сигу и шмякнул на стол здоровенный халь размером с кулак. Потом заиграла музыка. Опять какой-то кавказский барабан.

Через час вечеринка была в самом разгаре. Бухло и прочее потреблялись за троих. Зара щеголяла, как обычно, в моей старой вязаной кофте. От времени и стирок шмотка сильно вытянулась в длину и смотрелась как дырявое решето, через которое без труда проглядывалось бельё. Всё в целом было норм. Только создавалось странное ощущение, что это я пришёл к ним в гости. В какой-то момент, когда Мага вышел с кухни, Зара придвинулась ко мне и сказала.

— Дорогой, соберись.

— Да я весь внимание.

— Мага — важный для меня персонаж и тебе сегодня придётся постараться.

— Что это значит?

— Короче, он любит смотреть, — сказала Зара и сделала многозначительное, но абсолютно невинное лицо, — Не переживай, всё пройдёт как по маслу.

— Что пройдёт?

Зара встала, стянула кофту, и уселась ко мне на колени.

— Просто трахни меня хорошенько. Как ты это умеешь.

— Чего, блять, ты задумала?

— Рот закрой! Не исполняй тут, — обрезала она, сделав любимый читерский приём — задрала вверх левую руку при- тягивая мою голову, и я привычно втянул носом её подмыш- ку.

Это мой личный триггер. От такого у меня всегда слу- чался натуральный бодряк вперемешку с диким желанием отстреляться немедленно. Особенно когда подмышки были мокрые — это вообще сносило мне крышу.

— Кароч, я в душ, а ты готовься.

Зара встала и скрылась в ванной. Я тоже поднялся и вы- шел на балкон. Закурив сигарету, стал водить жалом ту- да-сюда. И тут увидел — на втором балконе, куда был вы- ход из комнаты парней, стоял, разговаривая по мобильному, Мага. Он был то ли голый, то ли в одних трусах-плавках. В руке дымилась сигарета. Какого чёрта? Стало резко понятно, что Мага, скорее всего, любит не просто смотреть. Я соби- рался пойти в ванную и выдать Заре самую отборную брань, но словно окаменел. В животе похолодело. Из глаз брызнули слёзы. Всё поплыло. Мне вдруг со всей ясностью сделался очевиден ужас моего положения и общий бесперспективняк. И тело предало меня. Предало! Я почувствовал, как судорога прошила меня вместе с трескучим разрядом отчаяния. Опу- стился на пол и заплакал. Плакал так, как никогда ни до, ни после.

Не знаю, сколько времени это было. Видимо, приступ жа- лости к себе длился недолго. Я собрал все силы для послед-

него рывка и, пошатываясь, вывалил через кухню в коридор. В ванной шумела вода. С балкона через комнату соседей доносился голос и похохатывания Маги. Он продолжал говорить по телефону.

Мой взгляд случайно упал на дипломат. Повинуясь странному порыву, я присел на корточки и нажал на замки. Он открылся. Внутри лежали какие-то бумаги, пачки сотенных евро и пистолет. Самый обычный Макаров. Пистолетом я пользоваться не умел. А вот про банковские пачки знал, что в каждой должно быть по десять тысяч. Всего их было в дипломате пять. Решение всей моей жизни приняло себя само. Чуть прикрыв дверь в прихожую, я огляделся. За одеждой идти далеко. Но в углу стояла в нише корзина с грязным бельём. Она общая, но сейчас на это было плевать. Я спешно сбросил шорты и оделся в чьи-то мятые грязные джинсы. Затем в лонгслив. Носков не нашлось. Ноги сами прыгнули в ботинки у двери. Куртка и шапка ждали на вешалке.

Я проверил наличие паспорта в кармане. Потом взял с обувницы свой рюкзак и просто вытряс всё ненужное из него в корзину для белья. Деньги из дипломата перекочевали в рюкзак. Под ними обнаружилась какая-то непонятная белая коробочка с контурным изображением индийского божества типа Ганеши или подобного. Её я тоже прихватил. Всё происходило механически и словно не со мной. Обесточил телефон, вынул симку и сломал её пополам. Батарейку отправил в рюкзак, а сам аппарат на дно корзины. Последний раз

окинул взглядом прихожую. Аккуратно закрыл и поставил на место дипломат. Затем распахнул дверь и шагнул в темноту.

PiratePirxgunneditintothewormhole.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.